

ЭСТОНЦЫ ТОМСКОЙ ГУБЕРНИИ: ОСОБЕННОСТИ НАЦИОНАЛЬНОЙ САМООРГАНИЗАЦИИ (1917–1919 гг.)

Исследование выполнено при поддержке РГНФ, проект № 09-01-95101 а/Э.

Рассматриваются процессы самоорганизации, этнической мобилизации и консолидации эстонского населения Томской губернии и Сибири в условиях революции и гражданской войны. Своей стратегией эстонцы избрали этническую консолидацию. Объединившись во всесибирский союз, они создали институты национального самоуправления и культурной автономии: Эстонский национальный совет в Сибири и Всесибирский комитет эстонских колоний. Тем самым они вносили свой вклад в создание в Сибири, как части России, институтов гражданского общества.

Ключевые слова: эстонцы; национальная самоорганизация; этническая идентификация; консолидация; культурная автономия.

Томская губерния заселялась эстонскими крестьянами наиболее активно начиная с 90-х гг. XIX в. К 1917 г. их насчитывалось примерно 15 тыс. Здесь возникло до 40 крупных и средних эстонских поселений, из них некоторые объединяли группы небольших деревень или хуторов. В Каинском уезде наиболее крупными были деревни Орава (основанная в 1896 г., 97 семей) и Николаевск (1897 г., 45 дворов); в Мариинском уезде – Кольцово (1900 г., 500 жителей), Вамбола (1908 г., 147 семей), Казекюла (она же Березовка, 1902 г., 102 семьи), Лилиенгоф (1902 г., 82 семьи) и др. Много поселений было и в Томском уезде, наиболее известный – Соляной Заселок (основан в 1896 г). В Змеиногорском уезде выделялись поселения Лифляндка (1895 г.) и одно из наиболее зажиточных в Сибири – Эстония в Покровской волости (1897 г., 85 семей) [1. Ф. Р-1318. Оп. 1. Д. 1118. Л. 2–14].

Установившийся в России в результате Февральской революции демократический режим создал благоприятные условия для создания институтов гражданского общества. С отменой Временным правительством всех сословных, вероисповедных и национальных ограничений народы России получили возможность широкой самоорганизации в самых различных формах: политических, культурных, экономических. С целью способствовать материальному и духовному развитию эстонцев весной 1917 г. в Омске [2. 1917. 28 марта (10 апр.)], Новониколаевске [3. 1917. 2 апр.] и Иркутске [4. 1917. 9, 10 июня] были образованы эстонские общества. В октябре организовался комитет по устройству беженцев-эстонцев в Бийске [5. 1917. 11 (23) окт.].

В послеоктябрьский период процессы самоорганизации эстонцев, как и других национальных меньшинств, переходят на новый уровень, создаются их местные и региональные (общесибирские и губернские/областные) структуры самоуправления. В декабре 1917 г. эстонские офицеры, студенты и общественные деятели основали в Томске общество «Uhendus» («Объединение») [6. С. 63; 7. 1917. 2 дек.; 8. 1917. 3, 15 дек.]. По его инициативе 16–17 марта 1918 г. в Томске состоялся съезд эстонских колоний Томской губернии, созванный с целью «самоорганизации» и защиты «национально-культурной самобытности» местных колонистов-эстонцев. На съезд съехались представители большинства эстонских колоний в губернии. Съезд выявил насущные нужды, удовлетворение которых являлось острой необходимостью для колоний (уст-

ройство мельниц и колодцев, облегчение доставки земледельческих орудий, машин и т.д.) [8. 1918. 12 марта (27 февр.), 20 (7) марта]. Итогом работы съезда стало образование Центрального комитета эстонских колоний Томской губернии. С мая 1918 г. он начал издавать газету «Siberi Asunik» («Сибирский колонист») [9. 1918. 30 (17) апр.].

Советская власть на первых порах не препятствовала деятельности учреждений, провозглашавших своей целью культурно-просветительную и благотворительную работу среди национальных меньшинств. Так, исполком Томского губернского совета не противодействовал первоначально и деятельности ЦК эстонских колоний, выдавая его уполномоченным удостоверения на право проезда по губернии [10. Ф. Р-96. Оп. 1. Д. 9. Л. 56–58]. В то же время большевики не доверяли национальным организациям, считая их буржуазно-националистическими, и делали ставку на создание среди национальных меньшинств проводников своего влияния – национальных секций РКП(б). Так, в конце апреля в Новониколаевске была организована эстонская группа коммунистов-большевиков, поставившая своей целью вывести местных эстонцев из-под влияния «контрреволюционных элементов» [11. 1918. 26 апреля. 10 мая].

Свержение Советской власти и установление власти Временного Сибирского правительства (ВСП) эстонские организации встретили с воодушевлением. «Можно снова начать созидательную, свободную от “усмотрений” работу», – говорилось на собрании эстонского общества «Юхендус» в Томске 9 июня.

Председатель собрания В. Сызрд заявил, что задача осуществления широкой областной автономии, которую ставит перед собой новое правительство Сибири, близка и дорога эстонцам [7. 1918. 12 июня]. Однако взаимоотношения эстонских организаций и ВСП, как и других временных российских правительств, складывались непросто. Большое влияние на их развитие оказывал фактор провозглашения новых независимых государств – Польши, Латвии, Литвы, Украины, Эстонии. Поддерживая их образование, национальные организации заявляли о своем «нейтралитете» по отношению к происходившим в России политическим событиям. ВСП, а затем и Российское правительство адмирала А.В. Колчака не признавали правомочность действий национальных организаций, члены которых еще недавно являлись подданными Российского государства, а

теперь заявляли о своем иностранном гражданстве и брали на себя выполнение консульских функций по защите интересов национальных меньшинств. Так, в обращении Эстонского комитета, образовавшегося 8 июля 1918 г. в Самаре, говорилось: «Как граждане самостоятельной Республики мы не считаем для себя возможным принимать активное участие в Русской гражданской войне, – нынешней борьбе с большевиками, – зато призыв к борьбе с германцами найдет самый горячий отклик в сердцах всех эстонцев» [1. Ф. Р-667. Оп. 1. Д. 31. Л. 3–3 об.]. Считая себя «представителем эстонского народа на всей территории, подчиненной Комучу и Сибирскому правительству», Самарский комитет обратился 23 июля 1918 г. к представителям Франции, Англии и Америки с просьбой оказать поддержку в его признании Комучем и ВСП «временным представителем самостоятельной Демократической Республики Эстония впредь до установления связи с представителями Эстонского правительства в Петрограде» [Там же. Л. 12–13].

Перебравшись после Уфимского совещания в Омск, Самарский эстонский комитет стал называться Эстонским национальным комитетом в Сибири. 30 октября последовало его обращение к председателю правительства с просьбой признать Комитет в качестве «правомочного представительства» Эстонии и ее Временного правительства при Директории «во всех делах, касающихся Эстонии и интересов ее граждан» [1. Ф. Р-200. Оп. 1. Д. 309. Л. 2]. В архиве сохранился документ (без подписи), начинающийся словами: «По поводу изложенных домогательств Эстонского Комитета...», на которые предлагалось отвечать следующим образом: «Стремление Эстонского Комитета добиваться признания самостоятельности Эстонии и вытекающих отсюда прав», во-первых, «предвосхищает решения Всероссийских органов власти, единственно правомочных в разрешении вопросов об устройстве и пределах автономии отдельных областей России, как то и выражено в акте об образовании Всероссийской верховной власти 10–23 сентября 1918 года...»; во-вторых, «противоречит постановлению того же акта... в силу коего единственным носителем Верховной власти на всем пространстве государства является Всероссийское Временное Правительство...»; в-третьих, идет вразрез с постановлением п. 1 грамоты Всероссийского Правительства от 4 ноября 1918 г., согласно коему все без исключения областные правительства должны прекратить свое существование...». «По этим соображениям, – говорилось далее, – притязание Комитета на признание самостоятельности Эстонии и допущение его как правомочного представителя Временного эстонского правительства должно быть отвергнуто. Комитет может рассматриваться как общественная национальная организация, выражающая интересы эстонского народа...» [12. С. 163–164].

Ссылаясь на возникновение де-факто эстонского государства, комитет выдавал удостоверения об эстонском гражданстве, добивался освобождения эстонцев от мобилизации. Но все его попытки добиться признания со стороны Российского правительства были безуспешны. В Омске полагали: поскольку «со стороны России не последовало официального акта о признании

Эстонии самостоятельным государством, за Эстонским национальным комитетом не может быть признано право выдавать какие-либо документы, имеющие значение видов на жительство лицам эстонской национальности». Эти удостоверения признавались только как основание для отметки в паспортах о принадлежности к эстонской национальности [1. ГАРФ. Ф. Р-200. Оп. 1. Д. 166. Л. 49; Ф.Р-147. Оп. 10. Д. 91. Л. 61].

Связывая свою судьбу с Сибирью, эстонцы внимательно следили за событиями в Эстонии. В середине ноября 1918 г. Германия передала управление Эстонией в руки Временного правительства под руководством К. Пятса. Проходивший в декабре 1918 г. в Томске Всесибирский съезд представителей эстонских колоний высказался за самостоятельность Эстонии в форме демократической республики и постановил приветствовать эстонское правительство по случаю освобождения Эстонии от германских войск [13. 1919. 7 февр.].

Созванный по инициативе ЦК эстонских колоний Томской губернии, съезд имел большое значение для объединения сибирских эстонцев, рассеянных по территории всей Сибири, в единое целое. Первоначально созыв съезда намечался на 8 сентября 1918 г. Предполагалось рассмотреть широкий круг вопросов, связанных с созданием общесибирского эстонского комитета, с выборами представителей эстонцев в Сибирскую областную думу, на конгресс народностей Сибири, в Сибирское Учредительное собрание [7. 1918. 7 сент.; 14. 1918. 30 (17) авг.; 15. 1918. 31 авг.]. Но созвать съезд удалось только через три месяца, когда к его организации подключился Самарский эстонский комитет. На проведение съезда было получено разрешение МВД колчаковского правительства и Томского губернского комиссара, но при условии, чтобы его работа не выходила из пределов одобренной министерством программы и чтобы на всех заседаниях присутствовал представитель милиции, знающий эстонский язык. Таковым был назначен заведующий гражданским столом уездной милиции Рост. Копии протоколов, переведенных на русский язык и подписанных членами президиума, предполагалось передать губернскому комиссару [10. Ф. Р-1362. Оп. 1. Д. 224. Л. 4–13].

Съезд открылся 8 декабря, в его работе приняли участие около 30 делегатов. Заседания проходили на эстонском языке. Съезд признал необходимость введения национально-культурной автономии для эстонских колонистов в Сибири, а для ее осуществления – скорейшего созыва Всесибирского Учредительного собрания. Для защиты культурных и экономических интересов эстонцев, рассеянных по Сибири, было решено объединить их в единую Всесибирскую организацию (союз). Принятый съездом устав предусматривал создание эстонского самоуправления, включая местные и районные организации, образующие Всесибирский эстонский союз. Была принята обширная программа деятельности, направленная на организацию и развитие экономической и культурной жизни эстонцев в Сибири, развитие здравоохранения, религиозной жизни, национального образования и др. В целях финансовой поддержки экономических мероприятий намечалось создавать общества взаимного страхования, сельскохозяйственные и экономические общества, кооперативы,

судо-сберегательные товарищества, общества взаимного кредита. В Иркутске планировалось открыть акционерный банк, на его организацию участниками съезда был собран по подписке 1 млн рублей. Все эстонские организации – от кооперативных до акционерных – обязывались отчислять часть от своих прибылей на культурно-просветительные нужды. Для развития земледельческой культуры было решено открывать склады семенного зерна, сельскохозяйственных орудий и машин, опытные станции и образцовые хозяйства. Программа предусматривала открытие в эстонских поселениях школ с обязательным шестилетним обучением на эстонском языке, библиотек и обществ народного образования, организацию педагогических курсов. С целью национального единения и просвещения планировалось продолжать издание газеты «Сибирский колонист» и организовать печатание эстонской литературы. Один из делегатов съезда предоставил необходимые средства для приобретения и оборудования типографии с эстонским шрифтом. По рабочему вопросу было принято решение об объединении рабочих-эстонцев в национальные профессиональные союзы [10. Ф.1362. Оп. 1. Д. 224. Л. 4–13; 13. 1910. 7 февр.; 15. 10 дек. 3. 1919. 17 янв., 11 февр.].

24 января 1919 г. Томский окружной суд утвердил принятый съездом Устав Всесибирского Эстонского союза [3. 1919. 11 февр.; 16. 19 февр.; 17. 1919. 21 февр.]. А 31 января окружным судом был утвержден устав еще одной организации – Эстонского студенческого общества «Ээсти», созданного с целью объединения всех студентов-эстонцев, обучающихся в Сибири [3. 1919. 20 февр.; 7. 1919. 20 февр.].

Эстонские организации вели среди местных эстонцев широкую культурно-просветительную работу. Еще до созыва всесибирского съезда ЦК эстонских колонистов Томской губернии издал первый в Сибири календарь на эстонском языке на 1919 г. [15. 1918. 7 нояб.; 14. 1918. 16 нояб.]. В Томске, Новониколаевске, Барнауле устраивались семейные вечера, балы-маскарады, спектакли на эстонском языке, концерты народных песен [9. 1918. 28(15) апр.; 11. 1918. 14(1), 15(2) февр.; 18. 1918. 20 нояб.]. С целью информирования эстонцев о происходящих в Эстонии событиях устраивались собрания, в местных евангелически-лютеранских церквях служились благодарственные молебны [7. 1919. 18 февр.].

Большое значение придавалось сохранению и развитию национальной школы с преподаванием на эстонском языке. Национальная школа являлась, наряду с семьей и церковью, одним из важных трансляторов языковых и культурных традиций. По данным пастора А. Ниголя, в 1918 г. в Западной Сибири насчитывалось 21 стационарная и 2 передвижные эстонские школы, из них 8 – в Томской губернии [19. С. 97]. Несмотря на сотрясавшие страну социальные катаклизмы, в Сибири не только сохранялись, но и открывались новые школы. В январе 1919 г. на собрании жителей поселка Юрьевского Томского уезда обсуждался вопрос об открытии одноклассного начального училища для детей эстонских поселенцев с общим числом школьников 60–65 чел., включая детей из соседних поселков. Собрание постановило ходатайствовать перед уездным земством об ассигновании для этой цели необходимых средств.

Избранная собранием школьная комиссия обратилась к Всесибирскому эстонскому комитету с просьбой об оказании помощи. Из 15 тыс. рублей, необходимых на строительство школы, жители обязались внести 1 500 рублей и заготовить строительный материал [3. 1919. 21 февр.]. Городские школы добивались включения их школ в общешкольную сеть. Так, в августе 1918 г. была включена в сеть городских школ Новониколаевска эстонская школа [20. Ф. 97. Оп. 1. Д. 240. Л. 227 и об., Д. 241. Л. 42–44 с об.].

После падения власти белых Эстонский национальный совет, находившийся в это время в Томске, заявил о лояльности к советской власти, обратившись 23 декабря в Военно-революционный комитет и Военно-революционный штаб в Томске с докладной запиской. В документе указывалось, что Эстонский совет является «центральной организацией, защищающей интересы эстонцев в Сибири как граждан самостоятельной демократической республики». Подчеркивая, что главной целью при правительстве Колчака Эстонский совет ставил «сохранение строгого нейтралитета по отношению к гражданской войне и освобождение граждан Эстонии, как солдат, так и офицеров, от мобилизации в армию правительства Колчака». И «ему удалось освободить значительное количество эстов от мобилизации», которые ныне обращаются в Совет с просьбой «оказать им законное покровительство как гражданам иностранного государства, признанного всеми державами», Совет выражал «полную уверенность», что представители местной высшей власти, как гражданской, так и военной, не допустят репрессивных мер в отношении зарегистрированных в Национальном совете граждан Эстонии, лояльность которых по отношению к Советской власти вполне гарантируется Эстонским национальным советом [10. Ф. Р-53. Оп. 1. Д. 44. Л. 243–243 об.].

Однако демонстрация лояльности не уберегла эстонские организации от репрессий установившейся в декабре 1919 г. в Томске советской власти. В январе 1920 г. все эстонские организации – Эстонский национальный совет в Сибири, Всесибирский комитет эстонских колоний и томское общество «Юхендус» – были «ликвидированы» образовавшейся в Томске с приходом войск Красной армии эстонской секцией РКП(б). Была закрыта и газета «Сибери Азуник» [21. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1454. Л. 319].

Революция и гражданская война привели к общей нестабильности жизненного пространства, ухудшению социально-психологического самочувствия населения. Ухудшение бытовых условий, обеспечения продуктами питания, предметами повседневного обихода, правовая и социальная незащищенность влекли за собой общую усталость и потерянность, неуверенность в будущем, озлобленность и агрессию. Старая система социально интегрирующих мотиваций оказалась разрушенной. Доминирующим принципом становится принцип «каждый за себя». Каждый человек оказался в ситуации поиска «стратегии выживания». Особенно сложным было положение недавних переселенцев и беженцев, не успевших адаптироваться к условиям проживания в иной природно-климатической и социокультурной среде.

В этих экстремальных условиях эстонцы избрали своей стратегией этническую консолидацию, выразившуюся в стремлении сохранить свое духовно-культурное пространство, традиции, язык, обеспечить этническую идентификацию на личностном и коллективном уровне.

В сложной экономической и социально-политической ситуации, в условиях быстро и радикально меняющихся политических режимов они сохранили определенное внутреннее единство, способствуя к самоорганизации, к защите своих прав, создавая национальные организации и школы. На региональных и всесибирских съездах разрабатывались и обсуждались стратегии решения насущных национальных проблем – этнической консолидации и взаимодействия с окружающим социумом. Общественная национальная жизнь эстонцев была достаточно интенсивной. Проявляя солидарность в отношении к судьбе своей родины, они развивали интерес к национальной истории и культуре. Заявляя о нейтралитете к происходящей в России

гражданской войне, они одновременно стремились взаимодействовать с властью.

Этому способствовал высокий уровень их самоорганизации. Объединившись во всесибирский союз, эстонцы, как и другие национальные меньшинства (евреи, поляки, украинцы, немцы, латыши, литовцы, корейцы), создали институты национального самоуправления и культурной автономии: Эстонский национальный совет в Сибири и Всесибирский комитет эстонских колоний. Сфера их деятельности включала культурно-просветительную работу, национальную школу, защиту социально-экономических и политических интересов эстонского населения Сибири.

Эстонские организации стремились добиться признания их властью как публично-правовых институтов, правомочных представлять и защищать интересы своих соотечественников. Создавая институты национального самоуправления, эстонцы тем самым вносили свой вклад в формирование новой в Сибири как части России, институтов гражданского общества.

ЛИТЕРАТУРА

1. Государственный архив Российской Федерации.
2. Известия Омского коалиционного комитета.
3. Голос Сибири. Новониколаевск.
4. Иркутская жизнь.
5. Алтай. Бийск.
6. Маамяги В.А. Эстонцы в СССР. 1917–1940 гг. М., 1990.
7. Сибирская жизнь. Томск.
8. Путь народа. Томск.
9. Знамя революции. Томск.
10. Государственный архив Томской области.
11. Дело революции. Новониколаевск.
12. Кукушкина И.А. Небольшевистская Россия и проблема независимости балтийских государств // Россия и Балтия: эпоха перемен (1914–1924). М., 2002.
13. Заря. Омск.
14. Народная газета. Томск.
15. Голос народа. Томск.
16. Отечественные ведомости. Омск.
17. Мысль. Иркутск.
18. Народная Сибирь. Иркутск.
19. Лоткин И.В. Прибалтийская диаспора в Сибири. История и современность. Омск, 2003.
20. Государственный архив Новосибирской области.
21. Центр документации новейшей истории Томской области.

Статья представлена научной редакцией «История» 8 ноября 2011 г.